

— Алексей Юрьевич, прошел слух, что вы больше не выдерживаете, оставляете кино и переходите в театр?

— Я твердо решил для себя: заканчиваю «Хрусталева»... и начинаю заниматься театром. Это совсем не значит, что навсегда покину кино, но на какое-то время переключаюсь на условное пространство. Сегодня многих кинорежиссеров тянет в театр, а режиссеров театра — в кино. При этом ни те, ни другие не понимают, что это совершенно разные виды искусства. Абсолютно хороший театр и абсолютно хорошее кино абсолютно не похожи. Похожий плохой театр и плохое кино: и там и там говорят текст, и там и там действуют артисты. Хорошее в театре и в кино — это прежде всего поиски формы и сути. В то же время в поисках формы и Л.Додин, и М.Захаров, и Ф.Феллини шли в совершенно разные стороны. Хотя сейчас, в общем, сближаются, потому что в принципе творчество Феллини — это сгушенный идиотизм времени. Но Феллини нельзя назвать реалистом, как и Ф.М.Достоевского. Поэтому, когда последний Московский кинофестиваль выбирает своим девизом «Красота спасет мир», то это звучит по крайней мере глупо, ибо формула Достоевского о красоте — одна из самых загадочных.

Это совсем не значит, что красивая бабенка спасет мир или красивая картинка спасет мир, или пейзаж «Над вечным покоем» Левитана — тут что-то совершенно другое, трактуй, как Библию. Допустим, я ищу контакты с христианством, но считать себя истинным христианином не могу, так как есть вещи, которые меня отталкивают. К примеру: зачем Господу Богу понадобилось, чтобы кто-то принес в жертву своего сына? Из всего этого возникает свирепый генерал, а не Бог. Следовательно, фокус не в том, что он буквально требовал принести сына в жертву. Библию нельзя трактовать буквально.

— Но давайте вернемся к театру. Свой режиссерский путь вы начинали в БДТ. Потом почему-то переключились на кино...

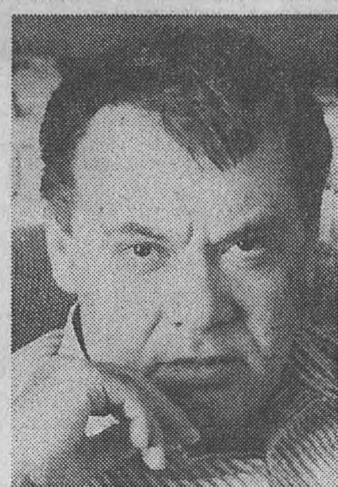
— Когда в 1961 году после окончания ЛГТМИКА мы с А.Кацем пришли на стажировку к Товстонагову, он не обращал на нас никакого внимания, даже не здоровался. Поэтому мы с Кацем разработали свою систему: как только Товстонагов сел в зале, громко открыли двери и, топая ногами, прошли и сели за его спиной... возмущенный Товстонагов встал и стал спрашивать, кто эти нахалы. Ему объяснили...

Я проработал у него ассистентом два с половиной года и очень многому научился. Фактически в театре я был рабочей лошадкой, много занимался вводами, срочными поручениями мэтра. Так, однажды во время репетиции Товстонагов обернулся ко мне и сказал: «Подготовьте к завтрашнему дню звук хорька, которого схватила сова». Я стал метаться. Пошел в зоопарк, но меня послали подальше и сказали, что никогда не отдадут своего любимого хорька на растерзание. Мне оставалось только кошку давить...

Тогда я подошел к Евгению Алексеевичу Лебедеву и предложил выпить коньяку за мой счет. «Что это ты сегодня такой добрый?» — изумился Лебедев. Я ответил, что у меня праздник. Мы выпили. Потом я затаскил Евгения Алексеевича в радиоузел и попросил изобразить звук хорька, схваченного совой. Мы записали десять криков, и один из них прошел, но Товстонагов так и не узнал, как был добыт этот звук... Я ушел из театра не из-за плохого к себе отношения. Товстонагов уговаривал остаться, обещал дать постановку. А если честно, то рядом работали выпускники курса Товстонагова, которым он отдавал большее предпочтение, мне же казалось, что я ничем не хуже.

где, что и в рассказе Эдгара По, где в психиатрической лечебнице сумасшедшие захватили врачей и притворились нормальными, а настоящих врачей посадили в больничные палаты. Ныне параллельное кино фактически стало основным, государственным, а нормальное кино, где рассказываются истории, над которыми люди плачут, переживают, превратилось в параллельное.

Теперь, почему мне кажется, что кинематограф пропадает, а театр нет. Я знаю, что в театре существуют те же гадости, что и в кино: зависть, нездоровое соперничество... Тем не менее театр сохраняет традиции, идущие от скоморошества, и в нем рабо-

Известия. - 1995. - 23 авг. - с. 5

Актера порют, а он желает играть

Кинорежиссер Алексей Герман решил оставить «важнейшее из всех искусств» и вернуться в театр

В дальнейшем Товстонагов очень помогал мне. Вместе с Козинцевым и Хейфицем защищал фильм «Проверка на дорогах». Помню, когда Симонов приехал в Ленинград и пришел к Товстонагову, в его кабинете разразился страшный скандал по поводу «Двадцати дней без войны». Симонов считался со мной, но к тому времени ему многое стали объяснять по поводу меня. Скандал продолжался два часа. Д.М.Шварц, зав.литературной частью театра, открыла дверь в кабинет, протянула туда свою телефонную трубку, положила на пол, позвонила мне и сказала: «Леша, слушай!» И мы с моей беременной женой, лежа на полу, слушали в трубку, как Товстонагов кричал на Константина Михайловича.

Я бы не хотел, чтобы меня поняли, будто я бросаю камень в мертвого льва. Сейчас хорошо рассуждать. В то время Симонов очень многим помогал, и, не будь его, мы бы еще долго не смогли прочитать «Мастера и Маргариту».

— Не кажется ли вам странным, что с наступлением новых времен все предрекали в первую очередь гибель театра, но не кино?

— Парадоксально, но факт: сегодня театр не переживает такого чудовищного кризиса, как кино. Кино оказалось вычеркнутым из культурного списка интеллигента.

Раньше существовало основное зрительское кино, где люди рассказывали истории; элитарное кино для специалистов и параллельное кино, где искали новые формы, над которыми тихо посмеивались.

В силу полного отсутствия зрителей у нас произошло то

тают люди, которые не могут не играть. Поэтому деньги для них не главное. Эти творцы пришли оттуда, из прошлого. Их порол, но они продолжали играть, им вырывали языки — все равно не бросали игру. Игра сидит в их генах, она нужна им как воздух, как вода.

Кинематограф же — придворное искусство. Даже не так, его привилегии пошли от ленинской цитаты: из всех искусств важнейшим для нас является кино. Поэтому туда призывалась царедворствующая интеллигенция. Ее всегда кормили лучше, чем других. И даже сейчас, по сравнению с остальной интеллигенцией, она живет лучше. Да, разорение кинематографа налицо, и все-таки если взять ставку заурядного кинорежиссера, то она превышает зарплату О.Басилашвили в два с половиной раза. Поэтому кинематограф и захлебывается, расценки задираются. Какой бюджет может выдержать стоимость одного съемочного дня ведущего артиста в полторы тысячи долларов?

— Но ведь в этом виноваты сами кинематографисты.

— Лично я никогда не стану столько платить. Это все равно, что платить любимой женщине. Я тогда не понимаю: зачем артист согласился у меня сниматься? Из-за идеи или из-за денег?

— На «Хрусталева...» вы тоже засели по экономической причине?

— Четыре года назад, когда французы дали вначале один миллион долларов, а потом еще добавили двести тысяч, я мог снять большую картину о жизни страны. Но потом расценки стали бешено расти, выросли в три с половиной тысячи раз и...

Начинал в одних условиях, а продолжал в других. Как я могу теперь за те деньги доснять двухсерийный фильм? Как? Я бы уже давно бросил этот фильм (пусть кому хочется смотреть отрывки), но у меня остались обязательства перед артистами, французским продюсером и т.д.

— И все-таки на чем сегодня держится настоящее кино?

— Когда-то в БДТ на меня обижались, что я не живу жизнью театра. Тогда мне это казалось дикостью: ну работаю и работаю. Теперь я вижу: в кино уцелели те маленькие формирования, которые живут жизнью кино, а те, кто бизнесом, — все равно пропадут.

Уцелела группа А.Сокурова. Можно к нему по-разному относиться, но это крупная личность, вокруг которой крутятся его особые мир. Ведь кино восходит гнездами. Вот зашевелилась, зашевелилась трава и появился Сильянов, Балабанов...

Те, что существуют по принципу: где-то быстро надо достать деньги и снять «пиф-паф» — это чертополох.

Хотя я помню, как по «Ленфильму» бегал очень способный кинорежиссер Бортик и кричал: «Чего вы переживаете?! (Когда стало все разваливаться). Победит сильнейший!» Ему и в голову не приходило, что среди сильнейших он не окажется. Сильнейший — это вовсе не способнейший, не самый большой, не похожий на Н.Михалкова. Сильнейший — это сильнейший! Когда Н.Михалков снимал хорошие фильмы, он не был сильнейшим.

Нынешнее состояние кино наглядно отразил последний Московский кинофестиваль. Я очень люблю С.Соловьева, но никак не могу понять, почему обязательно

надо было готовить фестиваль класса «А»? Почему не класса «Ж»? Ну как мы можем соревноваться с Каннами? Что за анекдот? В категории «А» артист Гир котлеты был жарил членом жюри, а не состоял в председателях. Я был членом жюри в Каннах и знаю эту систему. Если бы я хоть раз опоздал на десять минут на просмотр конкурсного фильма — в прессе разгорелся бы скандал. Если бы на два дня поехали на теплоходе в Монако — все было долго смеялись. По-моему, из Московского фестиваля надо прежде всего сделать интеллектуальный фестиваль, а уж потом давать категорию «А».

— Но ведь сегодня в условиях абсолютной свободы можно делать все, что захочешь, лишь бы деньги были.

— Вот, вот! Только в принципе мы пока не понимаем, что такое свобода. Свобода — это если демократичный в своих устремлениях человек, то должен говорить то, что другим удобно, или говорить про Чечню то, что говорит Ковалев?... А мне так не кажется, хотя бы потому, что делал картину по кавказской войне и учился вместе с чеченцами, и видел их кроткими прелестными людьми, и знаю, что из них можно сделать и в ту, и в другую сторону.

Но вот скажите мне: почему в условиях абсолютной свободы критика стала обслуживающей державой?! По свистку она может организовать травлю любого кинорежиссера — только деньги дайте.

— Не знаю, какой искусствоведческий журнал ни открою — все пишут про творчество Германа. Ждут не дожудтся, когда выйдет фильм, а теперь будут ждать и спектакль. Если не секрет, какую пьесу вы собираетесь ставить?

— Мы не будем ставить пьесу, попробуем написать спектакль под названием «Биржа» — об актерской провинциальной бирже, куда со всех концов слетаются странствующие артисты.

Я бы уже сейчас приступил к репетициям в БДТ, но «Хрусталева...» не дает. Ведь то время, где живут герои моей картины «Хрусталева, машину! (1953)», перестало быть однозначным. Вспоминаю один личный эпизод. Вот комната, у окна в черном пиджаке стоит писатель Вирта и мой папа — битый-перебитый космополит, который в сто раз лучше этого лауреата многих премий. Диалог. Вирта: «Напишу Сталину, куплю «ЗИС». Продам «ГИС» грузинам — заработаю 100 тысяч». Можете себе представить, чтобы так разговаривали в 53-м году? Значит, и такое время тоже было...

— Почему все ваши фильмы о прошлом?

— Это только так кажется, что о прошлом. На самом деле мне интересно снимать время, связанное с надеждами в жизни людей, их предостережения в наступлении каких-то перемен. Надежда — это единственное, что дает силы выживать.

Любовь ЛЕБЕДИНА.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.
Фото ИТАР-ТАСС.